

18+

Миланна Винтхальтер

ИЗ БРИТАНИИ
С ЛЮБОВЬЮ

from Britain
with love

Миланна Винтхальтер
Из Британии с любовью.
from Britain with love

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309564
ISBN 9785448510144

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Помехи» – психологический триллер о том, на что способна травмированная психика подростка. «Переход» – небольшая романтическая новелла о взрослении, дружбе и любви. Обе истории объединяет только место действия – Британское Королевство. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Помехи	5
1	5
2	17
3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Из Британии с любовью
from Britain with love**

Миланна Винтхальтер

© Миланна Винтхальтер, 2017

ISBN 978-5-4485-1014-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Помехи

1

22/10/2016

Холл

Галерея второго этажа

Начинается гроза, и Бетани снова шлепает босыми ножками по разохшимся половицам. Кричит: «Аксель, Аксель, небо злится»! Каждый раз так, в каждую грозу, вот уже четвертый год подряд. Аксель, Аксель. Эррен приоткрывает дверь, чтобы убедиться, что Аксель взял Бетани на руки начал петь «Твинкл, маленькая звездочка». От других песен она не успокаивается, и важно, чтобы пел именно он. Утром необходимый ритуал: Аксель обязан полить ее кашу вишневым вареньем. Три бордовых мазка в виде буквы «Б» – Бетани. И непременно его рукой, иначе есть она не станет. Семилетняя Бетани знает, как в уме делить трехзначные числа на двузначные. А Эррен нет. Аксель Хайген знает, как сделать так, чтобы Бетани играла, рисовала и общалась. А Эррен нет.

Наутро, после грозы над черепичной крышей всегда навиги-

сает мокрое свинцовое брюхо, и Эррен Коул, высунувшись из окна до самого пояса, опрокидывает первый стакан «Капитан Морган», который и ненавидит до скрежета зубного, и расстаться с которым не может ни под каким предлогом. Это как с девчонкой – бесит она тебя и жилы выкручивает, но бросить не можешь, потому что приклеился, прикипел, приварился. Прямо как мутное серое варево над черепичной крышей, такой же бесформенный, слабый, ненужный и никакой. Ну, да и черт бы со всем этим.

Аксель Хайген решает проблемы так, как не решал никто. Он был кем-то создан для того, чтобы говорить «Ш-ш, ну-ну, все будет хорошо». Это, кстати не Эррена слова, а его мамы, но Эррен под ними подписался бы. Поэтому и не удивился ни на грош, когда Аксель вдруг переехал. По сути Эррен ждал этого с первого дня, когда Бетани отвели к психоневрологу Акселю Хайгену. Три года назад, измучившись, оббегав всех врачей, мать везла молчаливую и странную дочь к последнему в списке доктору. Эррен тогда еще говорил, что пора уже перестать лгать себе и лететь в Лондон в специализированный центр. А мама молчала за рулем, прямо как Бетани. Устала она, Эррен видел. Она просто вздохнула: «Эр, ну давай последнего попробуем. А потом – как ты скажешь».

Он звонит. Впервые, после долгого молчания, снова звонит родной отец Эррена и Бетани. Тот, чья сперма как-то попала в мамино влагалище, и парочка особо смелых ребят добрались до яйцеклетки с разницей в одиннадцать лет. Джошуа Коул, чистокровный еврей, утонченный семитский ублюдок, на которого похожи все дети, которых он когда-либо делал. Джошуа Коул, неуравновешенный, параноидальный алкоголик. Родной отец.

Эррен хлебнул немало рома с раннего утра, и внезапный звонок отца по домашнему телефону поднимает в нем волну алкогольной агрессии.

– Если ты еще не умираешь, – говорит Эррен. – То я ничем не могу тебе помочь. А если умираешь, тем более.

Джошуа Коул напоминает, что сегодня Бар-Мицва у его сына Ноа. Того, другого сына, который не от Элжбет. Джошуа говорит:

– Эр, я понимаю, что тебе насрать. Но я хочу, чтобы ты был. Прошу тебя.

Эррен выуживает из заднего кармана джинсов сигарету, зажимает зубами, поджигает, смотрит, как Аксель входит в холл. Эррен улыбается то ли трубке, то ли Акселю, прикуривает и говорит:

– Посмотрим.

Кидает трубку и затягивается. Всралась ему Бар-Мицва этого косоглазого Ноа.

– Терпеть не могу этого выродка, – говорит Эррен Акселю, будто оправдываясь. – Отцова шмара упала на лестнице, и ублюдок родился косоглазым. Не, ну жалко его, конечно, но, пойми...

Аксель просит у Эррена сигарету, тяжело вдыхает дым, грустно улыбается и качает головой.

– Что, – говорит. – Опять началось, да? Твою мать...

– Ты, разумеется, будешь настаивать, чтобы я съездил, – произносит Эррен, забирая у Акселя сигарету. – И выбора мне не оставишь.

Аксель пожимает плечами. Особенный он, мама на второсортных не западает. Талантливый не по годам. Эррен по-

нятия не имеет, что там и как, но полагает, что ему лет тридцать восемь, сорок. Так ему кажется, потому что мистеру Сатклиффу, учителю физики, тоже сорок, и они с Акселем по виду ровесники. Только Аксель другой – жестче, четче, увереннее, ярче, контрастнее. Чернилами по мягкой бумаге. Каплей смолы в молоко. Заявляет себя раз и навсегда, непримиримо, безусловно. Въезжает, как бесценный Бьюик в фермерский гараж – вроде и не твой, но и отказаться не посмеешь. Боишься, радуешься, сомневаешься, попадаешься. Так мама и попалась. Да все попались.

На первых порах он приезжал только по субботам. Эррен смотрел сверху, с лестницы. Бетани бежала к своему доктору со всех ног, показывала свои рисунки – резкие, бездарно намалеванные линии – а он рассматривал их по несколько минут, будто шедевры из музея Виктории и Альберта. Качал головой и говорил: «Милая, добавь немного желтого». Говорил: «Бет, какое ты наденешь платье сегодня»? Говорил: «Ты выберешь лучшую лошадку, и мы будем кататься на ней весь день». В парке Эррен чувствовал себя лишним, болтался за этой парочкой битых четыре часа и не знал, что сказать или сделать. Будто болен он, а не Бетани. Часто звонил маме, но та говорила, что занята. Мама всегда занята, потому что такая работа не оставляет времени для семьи.

Элжбет Ковальска – Элли Коул – звонит из Венгрии. Связь плохая, Эррен пьян, и поговорить нормально не получается. Элли кашляет в трубку и говорит:

– Малыш, как ты?

Эррен смотрит на часы – половина третьего, и скоро уже пора отправляться к отцу. Не ехать нельзя – Аксель потом все нервы вымотает своим гипнотическим осуждающим взглядом. Убирает порнографический журнал под кровать, руку из штанов – привет, мам.

– Привет, мам. Готовлюсь к тесту по химии. Как твоя сделка?

Элжбет продает старинные дома в восточной Европе. Расскажет вам любую легенду, только отсчитывайте деньги. Плачет ваш Брэм Стокер горькими слезами, если Элли Коул взялась за дом. Кровавые драмы, полные романтики и обреченности, но неизменно с хорошим финалом. Джошуа советовал ей писать книги в жанре мистики, но плевала она на то, что говорил Джошуа. Аксель считает, что ей вообще не стоит работать. Элли Коул обещает продать последний замок, и бросить к чертям собачьим это риэлтерство. И так уже третий год. Элли говорит:

– Погода в Будапеште мерзкая. Я простудилась. Но завтра покупатель все подпишет. Как Бетани?

– Нормально – устало отвечает Эррен. – Аксель следит. Мам, я хотел сказать...

Связь обрывается, Эррен слушает короткие гудки, а потом тишину. Наверное, погода в Будапеште, в самом деле, ни к черту. Эррен достает из шкафа единственную приличную рубашку, выпивает еще стакан рома, заводит свой старый Форд «Ка» и едет к отцу.

На заправке покупает сигареты. Девчонка за стойкой разглядывает его с некоторым пренебрежением, только и жди, скажет: «Куда ж ты такой бухой катишь»? Эррен неприятно улыбается ей и кидает купюры в тарелку. У входа в магазин паркуется полицейская машина, Эррен делает девчонке умоляющий знак не выдавать его и скрывается в сортире. Надо пересидеть, иначе и машину отберут и самого в участок отвезут. Затолкают, как в прошлый раз, в клетку с вонючими бродягами и позвонят Акселю. Тот приедет, внесет залог, и всю дорогу будет многозначительно молчать. Лучше бы ударил, ей богу, но нет. Аксель любит психологические пытки – сохраняет спокойствие и тишину до тех пор, пока жертва сама не разрыдается и не начнет каяться. Элли Коул тоже частенько попадает в эту ловушку. У непогрешим-

мого доктора везде ловушки расставлены, но главная состоит в том, что ты не можешь его возненавидеть. Как ни старайся, как ни накручивай себя, как не очерняй его в своих фантазиях, какие доводы не приводи, он все равно остается чистым и идеальным. И ты вновь и вновь признаешь собственные ошибки и идешь к нему на исповедь.

22/10/2016

Гостиная Ребекки Уолтер

В Эджбастон к отцу Эррен приезжает, когда тринадцатилетний косой Ноа уже принял заповеди Торы. Из гостей только мать Ребекки – отцовской любовницы или новой жены, если угодно. Эррен молча садится за стол, стараясь не смотреть никому в глаза. Ребекка в принципе нормальная тетка, но Эррен не выносит ее, потому что отец спал с ней, живя под одной крышей с Элжбет и детьми. Мать Ребекки почти глуха из-за перенесенного менингита, и ей все нужно повторять дважды. Ноа, кажется, вообще не соображает, что происходит. Сложный он ребенок, этот Ноа. Запуганный какой-то, затравленный, странный. Конечно, не более странный, чем Бетани, но, что уж греха таить – все дети Джошуа Коула так или иначе дефективны. Дурное семя, ничего не скажешь.

На столе все кошерно, но Эррен не спешит наполнять тарелку. Просто садится и, не мигая, смотрит отцу в глаза. Не улыбаясь и ничего не говоря. Прямо как Аксель. Недаром говорят, с кем поведешься. Джошуа не выдерживает первым.

– Для разнообразия, – говорит. – Можно было сегодня не нажираться? Тем более, что ты за рулем.

– Выше моих сил, пап, – отвечает Эррен. – Генетика такая, знаешь. Все лучшее от тебя взял.

Джошуа одними губами произносит: «Говнюк». И громче: «Вы простите Эррена, он утром сдал экзамен по химии, вот и выпил с друзьями».

– Дерьмо! – громко возражает Эррен, откидываясь на спинку стула. – Вранье это все. Папа любит врать, да, пап?

Ребекка любит сглаживать углы: улыбается, будто было сказано что-то приятное и смешное. Спрашивает: «Эррен, как дела у Бетани»?

– Аксель хочет подарить ей щенка.

Ребекка кивает и снова спрашивает: «Она осваивается

в дошкольной группе»?

– Аксель говорит, что ей достаточно появляться там дважды в неделю.

Все это время Эррен не сводит глаз с отца. Не столько он любит самого Акселя, сколько обожает доводить им Джошуа Коула. Отец, как любой мужчина-собственник, так и не принял факта, что Элжбет легко нашла ему отличную замену.

Косоглазый Ноа, наряженный в дешевый пиджачок, смотрит на Эррена с опаской, как обычно. Эррен и сам давно чувствует, что отцовский ублюдок его боится. Но наплевать – каждый должен знать свое место. Джошуа явно нервничает. Должно быть, уже сто раз пожалел, что пригласил разнузданного сына. А Эррен только того и ждет, не зря же ехал.

– В прошлую пятницу, – говорит. – Аксель сделал маме предложение.

Ребекка натянуто улыбается и переводит новости своей матери, громко, сопровождая речь жестами. Джошуа еле терпит. Говорит: «И что»?

Эррен врет, но врет виртуозно. На прошлой неделе Элжбет даже не было дома. И ни разу они с Акселем не загова-

ривали о свадьбе.

– Она согласилась, – врет Эррен, прожигая отца взглядом. – Более того, он хочет удочерить Бетани. По закону. И ограничить кое-кого во встречах с ней до одного раза в месяц. Такая интрига! И как же этот «кое-кто»отреагирует?

Джошуа багровеет. Несколько секунд сидит недвижимый, как изваяние. Потом встает, берет из серванта бутылку джина и откупоривает ее под раздосадованный вздох Ребекки. Ноа обеспокоенно смотрит на отца, хотя черт его знает, куда конкретно он смотрит. Эррен говорит: «Ага, мне тоже плесни».

Выпивает без тоника, без сока, без закуски. Говорит: «И кольцо ей подарил».

– В жопу кольцо, – произносит Джошуа. – Хрена с два он отберет у меня дочь.

– О, – Эррен, наконец, чувствует пробудившийся аппетит и накладывает в тарелку салат. – Еще как отберет. Ты прогнивший, нищий, безработный алкаш, а Аксель... Аксель бог. И любой суд будет на его сторо...

– Заткнись! – Джошуа вскакивает со стула и со злостью

толкает первенца в плечо. Эррен теряет равновесие, кренится к полу, но вовремя цепляется пальцами за край стола.

– Убожество, – улыбаясь, произносит Эррен и неторопливо встает. – Неудачник. Урод. Ничтожество. Почему ты никак не сдохнешь?

Эррен не слушает, как ругается и бьет посуду отец. Не слушает, как обреченно плачет Ребекка. Не слушает, как ее мать, будто потерянный ребенок, взирает на всех с недоумением и спрашивает: «Что он сказал»? Эррен весело подмигивает косоглазому Ноа и выходит из столовой.

22/10/2016

Регистратор

Так ненавидеть дерьмового отца может только его дерьмовая копия. Эррен пристегивается, закуривает, достает телефон и читает обновления в Твиттере Джуллианны Андерс.

«Если люди повязаны одной тайной, их невозможно разделить, пока один из них не умрет. Вот, что я думаю. Ты полноценен, только если независим».

Зависимый от алкоголя и собственного цинизма, Эррен Коул усмехается экрану смартфона. Джулс с начальных классов строила из себя философа, а на актерских курсах разошлась не на шутку. Скучно ей быть актрисой, мечтает о кресле режиссера, безмозглая коза с манией величия. Эррен ставит Джуллиане «лайк» и заводит свой Форд. Из дома выбегает зареванная Ребекка, направляется к машине, но Эррен плевать хотел – дает по газам и был таков. Две семьи никогда не станут одной. Мазаль тов, Ноа Коул, но ты мне не брат, и братом никогда не станешь. Эррен звонит матери, но у той занято. Звонит Акселю, хотя и знает, что у него сеанс.

– Эр, тебя забрать?

Вечно он так думает, Аксель. Думает за всех: надо кого-то забрать, надо за кого-то заплатить. Уверен, что никто, кроме него, не способен на поступок. Глупо это – недооценивать окружающих.

– Нет, я еду домой. Прости, если отвлекаю.

Отцу Эррен никогда не говорит «прости», ибо не за что. В разговоре с Акселем такие слова вырываются сами собой. Прости. Ты прав. Конечно. Спасибо. Я изменюсь. Я стану лучше. Я так заблуждался всю свою жизнь. Я идиот. Чертов Аксель Хайген.

– Не отвлекаешь. Ты уверен, что доберешься без проблем? Ты перебрал со спиртным.

– Прекрати! Ты мне не отец, не лезь в мою голову!

Эррен отключается и некоторое время летит в потоке машин, ничего не соображая, будто на автопилоте. Потом становится стыдно и даже жутковато. Опять он хамит Акселю. Акселю нельзя хамить. Набирает снова.

– Черт, извини... Я, как обычно, ляпнул не подумав...

– Успокойся, Эр, все нормально. Я тебя не первый день знаю, – Аксель наверняка улыбается в трубку. Он всегда улыбается странным детям, такая у него работа. – Езжай домой, поспи. Я заберу Бетани из школы.

Был бы ты, в самом деле, моим отцом, думает Эррен. Были бы у всех такие отцы, думает Эррен. Дело к вечеру, небо ворчит, и к ночи наверняка снова разразится гроза. Эррен включает фары и мчится к дому, борясь то с пьяной дремотой, то с раздражением. Справа на дороге выныривает черный спортивный хэтчбек, подрезает, не мигнув поворотником. Эррен давит на тормоза и легонько ударяется лбом о руль. Орет: «Мудила!» Орет: «Чтоб ты...» Потирает глаза, трогается, и в этот момент звонит мама. Говорит, что вылетает, рейс задержали, но ночью она уже будет дома. В крайнем случае, к утру. Спрашивает, все ли в порядке. Эррен, разумеется, умалчивает о скандале в доме Ребекки, отделяется парой общих фраз. Сворачивает с центрального шоссе в спальный район и включает «дворники», едва на стекло падают первые тяжелые капли дождя.

Припарковавшись рядом с акселевой Тойотой «Приус», таким же продуманным, экологически чистым гибридом, как и сам Аксель, Эррен входит в ярко освещенный холл, небрежно кидает куртку на подставку для зонтов и подни-

мается в свою комнату. Прикрыв дверь, он устало падает на кровать, не в силах отделаться от внезапно возникшего предчувствия. Что-то вот-вот произойдет. Что-то такое, к чему он не готов.

22/10/2016

Гостиная

Галерея второго этажа

Холл

Замерев в дверном проеме гостиной, Эррен наблюдает, как Аксель кропотливо собирает с Бетани пазл из двух тысяч элементов. Бетани способна пересчитать все фишки пазла, безошибочно разделить их на четыре части или на пятьсот, но увидеть, что все элементы – это составляющие целой картины, она не способна. Аксель говорит, что Бетани не может мыслить абстрактно, интегрировать данные. Но этот дефект с лихвой компенсируется математическими навыками и конкретным мышлением. Для нее пазл – это набор чисел. Люди – это набор свойств и характеристик. Она сама – набор методик для вычисления. Маленький семилетний компьютер, управлять которым может только один человек – Аксель. Он говорит, что она не рисует, не поет, не радуется новому платьицу, поскольку считает эстетику неэффективной. Он же пытается донести до нее, что даже в киберпростран-

стве, где она обитает, есть нечто прекрасное. Только с ним она смотрит мультфильмы, только с ним смеется. Эррен пытается ненавидеть его за это, но его жалкая ненависть полна искреннего восхищения. И Эррен смотрит тихо, не мешая. Аксель говорит: «Это лес». Бетани отвечает: «Двадцать четыре елки, четырнадцать сосен и клен. Клен здесь лишний». Аксель говорит: «В природе нет ничего лишнего. Если в этом лесу есть клен, значит, он нужен». В природе нет ничего лишнего, думает Эррен. И если есть семилетний кибер-разум и восемнадцатилетний алкоголик, значит, это кому-то нужно.

За окнами слышен раскат грома, Бетани прекращает считать паззлы и жметесь к Акселю. Он обнимает ее привычным жестом, не глядя. Смотришь на него, и думаешь, что он родился на этом ковре, в этом доме. Самый нужный элемент мозаики, который по случайности завалился между половинцами, пролежал там много лет, прежде чем его нашли и поставили на место. Сложилась целая картина – это его дом, его семья.

Пьяный сон неприятен, липок, чуток, и Эррен нервно отрывает голову от подушки, услышав странный шум. На часах половина первого ночи: он проспал добрых четыре часа. В голове такой гул, будто роятся мухи, во рту пересохло, а к горлу подкатывает похмельная тошнота. Внизу слы-

шен щелчок замка – кто-то запирает дверь. Эррен нащупывает выключатель прикроватной тумбочки, достает из кармана телефон и набирает маме: «Ты дома»? В трубке эхом слышны незнакомые голоса, и мама отвечает: «Нет, родной, я еще в аэропорту, рейс снова отложили». Эррен шарит рукой под кроватью, находит свою старую бейсбольную биту и выходит из комнаты в темноту спящего дома.

Эррен смотрит с лестничного пролета второго этажа вниз, в холл. Тьма крошечная, и только редкие вспышки молнии за окном озаряют помещение прохладным синеватым светом. Эррен сжимает биту в потной ладони, стараясь дышать, как можно тише. Поворачивает голову вправо и замечает в чернильной темноте коридора смутные очертания фигуры Акселя. Молния, будто стробоскоп на танцполе, на секунду придает фигуре объем и реалистичность: мужчина стоит, вжавшись в стену, на нем спортивные штаны и футболка, в правой руке – монтировка. Аксель тоже видит Эррена, бесшумно прикладывает палец к губам и снова погружается во мрак. Эррен мягко ступает по дубовым половицам к левому лестничному пролету, будто кожей ощущая, что Аксель делает то же самое, только справа. Это было решение отца – установить две симметричные лестницы в холл, и сейчас идея оказалась как нельзя кстати. Новая вспышка молнии выхватывает чужой беспокойный силуэт в прихожей. Прежде, чем помещение снова накрывает темнота, Эр-

рен замечает Акселя посередине правой лестницы. Парень делает несколько бесшумных шагов по ступенькам, чтобы сравняться с мужчиной.

В холле раздается грохот – упала подставка для зонтов, и Эррен вздрагивает, едва не выпустив биту из рук. Справа тишина: Аксель не движется, и, скорее всего, даже не нервничает. Эррен то и дело непроизвольно смотрит вправо, надеется, что Аксель первым доберется до конца лестницы и выяснит, что происходит. Страшно, даже жутко, и мальчишка колеблется, не вернуться ли наверх. Забрать Бетани, запереться с ней в своей спальне и подождать, пока взрослый, матерый Аксель во всем разберется. Но от этой мысли бросает в пот, и желудок сжимается спазмом: если Эррен сейчас сбежит, всю оставшуюся жизнь Аксель будет полноправно вертеть им, как хочет, потому что с трусами только так и надо. Парень делает несколько шагов вниз, поскользывается на предпоследней ступеньке и, прикусив губу, чтобы не закричать, летит вниз, отчаянно размахивая в воздухе битой. Распластавшись на полу холла, Эррен ощущает, что влип щекой в неприятную влагу, а потом внезапно загорается свет.

Первое, что он видит, после секундной слепоты – это голубые глаза, мутноватые, будто подернутые жирной пленкой. В ноздри ударяет запах железа, и Эррен отрывает голо-

ву от пола. Всего на расстоянии дюйма, в небольшой, темной лужице крови белеет вечно небритое, вечно опухшее и вечно ненавистное лицо его отца. Нервный электрический разряд прошивает позвоночник раскаленной ржавой спицей, Эррен неловко, угловато группируется, поджав колени к груди и размазав кончиками ледяных пальцев кровь по половицам. В горле, как застрявший клочок ваты, мечется крик, и Эррен открывает было рот, но твердая сухая рука запечатывает губы. Ошалело распахнутые глаза бездумно взирают на мириады неоновых светильников на потолке. Аксель держит его в своей хватке, дышит на ухо: «Молчи, молчи, разбудишь Бетани». И Эррен молчит, по-больному, страшно, согнув рвущийся вопль в колючую спираль. Молчит, слепо уставившись в бисерины лампочек. Скулит в руку – выпусти. Откидывает голову. За спиной – Аксель со своей монтажкой, невинно чистой, без единой капли крови. Зато его, эрренова, бита испачкана в багровых разводах, вязких каплях, тягучих сгустках. Вот оно как.

Джошуа Коул, брошенный, тяжелый, будто набитый свинцом манекен, давит на половицы, которые сам же когда-то выстилал. Аксель возвышается отстраненно, смотрит открыто и прямо. Страшен, холоден и крайне близок одновременно – Эррен не может решить, прочувствовать. Рвота подкапывает, но Эррен сдерживает позыв, снова скользя пальцами и коленями по кровавому желе. Встает, приняв Акселеву

руку. Аксель тянет уверенно и резко, так, что, дерни еще – и выбьешь плечевой сустав. Но потом он вправит, вылечит, успокоит, потому что Аксель всегда знает, что делать.

– Как же так? – Эррен думает, что если в доме есть доктор, то всегда есть шанс все исправить. – Я же ничего не сделал, да?

Аксель садится на пятки возле недвижимого Коула-старшего, прижимает пальцами его сонную артерию, хмурит брови, мрачно кивает, говорит: «Сделал».

– Сделал... Что?

– Убил, – шепчет Аксель. Легонько поворачивает мертвую голову, копается пальцами в мокрых и липких от крови волосах. Так он аккуратно все делает. Эррен не может не наблюдать. Эррену вдруг становится интересно: будто он смотрит видеозапись хирургической операции. Будто Аксель актер, играющий врача, а в руках у него резиновая модель. У Акселя красивые руки. Аксель все исправит. Все на свете. Прямо сейчас. Сейчас он улыбнется и скажет, что...

– Пульса нет, череп проломлен. Эр, только не кричи. Прощу, Эррен...

Снова приходится зажимать мальчишке рот, только руки у Акселя уже в крови, пахнут железом и Джошуа Коулом. Эррен сухо и беззвучно хрипит в твердую ладонь, бьется в спазмах, ударяясь острыми лопатками Акселя в живот, слушает сначала «ш-ш-ш», а потом терпеливое молчание. Аксель выдерживает истерику до конца и разжимает руку. Дождается момента, когда мальчишка начнет дышать ровнее и произносит:

– Надо вызвать «скорую» и полицию.

Эррен размыкает прокушенные до крови губы и, прежде чем осторожный Аксель снова заткнет ему рот, сипло произносит:

– Какую к черту полицию, а? Какую, блин, «скорую?»

– У нас с тобой вообще-то труп в прихожей, – отвечает Аксель. Голос у него не дрожит, и сам он так спокоен и собран, что смотреть тошно. – Это не обсуждается.

Сует руку в задний карман, достает телефон, но не успевает даже разблокировать экран – Эррен пружинит с места, перепрыгивает своего коченеющего отца, как мешок с ветшью, бросается на Акселя и вцепляется в его руки со всей силой, на которую только способен. Мотает головой, впива-

ется ногтями в кожу. На лбу блестит пот крупными каплями, в глазах паника, мольба, а вот-вот хлынут и слезы. Эррен цепляется за Акселя, будто если отпустит, то рухнет в пропасть.

– Не надо полиции, – шипит и плюется, то ли слюной, то ли кровью. – Ты представляешь, на сколько лет меня упекут? Это все, конец, понимаешь?

Аксель молчит, задумчиво глядя в мертвые глаза Джошуа Коула.

– Никто не поверит, что это вышло случайно! – Эррен срывается то ли на крик, то ли на стон. – Мы постоянно с ним ругались, дрались даже, и все это видели!

Понимаешь? Не надо полиции, Аксель, пожалуйста! Пожалуйста...

Аксель по-прежнему молчит, будто коченеет на пару с Джошуа Коулом. Даже из хватки вырваться не пытается. Есть у него такой пунктик: когда надо о чем-то серьезно поразмыслить, он будто отключается от реальности, зависает на несколько минут.

Эррен не хочет смотреть на отца, боится, что распахнется не на шутку. Смотрит только на застывшего Акселя, тря-

сет его, царапает и пинает, как боксерскую грушу, тараторит, задыхается.

– Пожалуйста! Здесь даже незаконное вторжение не прокатит, этот ублюдок еще женат на маме... У них совместная опека над Бетани... Он имеет законное право находиться в этом доме... Мне конец, все, мне конец!

– Да заткнись ты! – Аксель рычит мальчишке в лицо так громко и внезапно, что даже сам вздрагивает.

Эррен разжимает пальцы, зажмуривается, кулем оседает в руках врача и начинает беззвучно рыдать. Истерика неизбежна, Аксель знал. Уткнувшись ему в грудь, Эррен беспомощно и сипло подвыывает: «Я сдохну в тюрьме из-за этой кучи говна. Я не хотел, веришь? Он сегодня меня ударил, они подумают, что я отомстил. Сделай что-нибудь». Аксель встряхивает его за плечи, заставляет поднять голову и открыть глаза.

– Почему он здесь? – спрашивает. – Какого хрена Джошуа Коулу понадобилось здесь среди ночи, скажи мне?

Эррен знает. Точнее, догадывается, но в своей правоте уверен, и оттого ему становится еще страшнее.

– Бетани, – всхлипывает он и вновь опускает глаза. Жутко, мерзко, стыдно, и да, он действительно во всем виноват. – Он приехал за ней. Он считал, что... Что его собираются ограничить в опеке, и... Господи...

– Кто собирается?

Эррен стискивает зубы, сглатывает, хлюпает носом, но взгляда поднять не может. Все ясно: Аксель спрашивает не потому, что не знает ответа. Он хочет услышать, желает, чтобы Эррен сам это произнес. Эррен шепчет: «Ты».

– Вот как, – Аксель вздыхает, облизывает губы, выдерживает свою излюбленную мучительную паузу. – Значит, Коул решил выкрасть Бетани, потому что «кто-то» наплел ему, будто я намерен лишить его отцовских прав. И, разумеется, «кто-то» сказал это прилюдно. Я ничего не путаю, а?

Эррен вжимает голову в плечи и еле слышно отвечает «ничего». Аксель бьет открытой ладонью, наотмашь, так, что мальчишка снова скользит носками по кровавой каше, теряет равновесие и падает на пол рядом с мертвым телом. Боли нет, Эррен слишком взвинчен и опустошен, чтобы ощущать хоть что-нибудь. Лежит, подтянув колени к груди, бессвязно бормочет, что не хотел, что не переживет этого дерьма, и что не надо полиции, ради Бога.

Почему нельзя включить обратную перемотку? Надо было сидеть в своей комнате и не высовываться. Взять к себе Бетани. Позвонить в участок, как только услышал шум. Меньше пить. Не ездить на этот чертов праздник. А теперь все кончено. Аксель решит, как правильно, он всегда поступает по совести. Через десять минут здесь будут полицейские, эксперты и прочие сволочи в форме. Через час Эррена закроют в холодной камере. А лет через двадцать, если повезет...

– Ладно, – говорит Аксель. – Вставай.

Он не встанет, ни за что, до тех пор, пока офицеры силой не поднимут его с пола. Пока не застегнут на нем наручники, черта с два он сдвинется с места. Эррен мотает головой: «Я не хочу, не хочу». Аксель хватается за подбородок, заставляет смотреть на себя. Какой же он невыносимый с этим своим взглядом «в душу». Выжигает нутро, выедает, как кислота. Надоело, как все надоело...

– Послушай, – говорит Аксель. – Я хочу, чтобы ты знал. То, что я сейчас собираюсь сделать – не ради тебя, а ради твоей матери и сестры. Это ясно?

Эррену ни черта не ясно, но он зачем-то кивает. Какая

разница на что соглашаться, если ты и так по уши в дерьме?

– Хорошо, – продолжает Аксель. – А теперь возьми себя в руки, встань и выполняй все в точности, как я скажу. Быстро и без истерик.

23/10/2016

Кухня

Холл

Половина четвертого утра, но до рассвета еще далеко. Свет в кухне приглушен и, кажется, слегка вибрирует, окрашивая охрой деревянные панели стен. Аксель сидит за противоположным краем стола, в бесконечных милях от Эррена, недостижимый, но взгляд его так тяжел, что равняет с землей. Тишина висит напряженная, будто накачанный воздухом шар, будто готовый разорваться нарыв, будто аорта, переполненная грязной кровью. Эррен опрокидывает миллионный уже стакан скотча, захлебывается, потому что раздраженное спиртным горло нещадно саднит. Аксель разбивает молчание коротким «Прекрати это».

– Что? – Эррен вскидывает голову и сдувает влажные волосы со лба. Его по-прежнему трясет и бросает в пот. Руки ледяные, а на запястьях розовеют следы собственных зубов.

Когда напряжение выходит за рамки терпимого, он всегда кусает или царапает себя, чтобы как-то отвлечь.

– Что прекратить? – рычит Эррен и наливает еще. – Ты не должен был так поступать. Это нечестно. Мне надо было ехать с тобой!

Аксель уже переоделся, после своей жуткой поездки в компании мертвого Джошуа Коула, и теперь сидит чистый и отглаженный, будто ничего не случилось. Эррена он еще до отъезда заставил снять окровавленные вещи, засунул их в пакет и увез с собой. Куда – да черт его знает.

В холле тоже идеальный порядок, половицы вымыты до блеска, до скрипа. Эррен оттирал их целый час, старательно, даже увлеченно. Стоило ему на секунду прерваться, и он скатывался в истерику. Дабы не потерять рассудок, до боли кусал свою руку и вновь хватался за тряпку. Как пережил эти полтора часа без Акселя, в гробовой тишине дома, наедине с запахом крови, он не знает. Мерещилось всякое: то вой сирен, то собачий лай, то голоса, странные, будто искаженные помехами в эфире. Едва увидев за окнами свет фар акселевой машины, Эррен рванул к двери и замер в тревожном ожидании. Как собака. Сам понимал, как глупо выглядит, но с места не сдвинулся, пока Аксель не пересек порог. В себя Эррен пришел только на кухне, после первой порции

ВИСКИ.

– Куда ты его дел? – Эррен уже кричит, наплевав на спящую сестру. – Теперь я должен жить, каждый день опасаясь, что за мной придут? Да? Куда ты спрятал этот чертов труп?

Аксель встает, бесшумно подходит, отбирает у Эррена стакан и бутылку, ставит их на полку над раковиной. Говорит:

– Ни к чему тебе этого знать. Поверь, тебе будет, чем занять и себя и свои мозги. Например...

Аксель не договаривает, потому что в прихожей хлопает дверь, и теперь это уже наверняка Элжбет. Эррен сжимает кулаки и поднимает на Акселя испуганный взгляд: вдруг она заметит? Вдруг он плохо убрался и оставил пятно крови на полу? Что, если она учует запах моющего средства и начнет задавать вопросы? Аксель кивает и легонько сжимает пальцами эрреново плечо – успокойся, мол, я все проверил. Шепчет: «Пойдем, встретим ее. Расслабься, улыбнись ей, обними и проваливай спать».

– Я больше никогда не засну, – бурчит Эррен, но со стула поднимается и вслед за Акселем идет в холл.

Обычно Эррену безразличны мамины нежности с Акселем, да и отношения в целом тоже не волнуют. Лишь бы не орали и не крушили мебель, как с отцом. Но сегодня он смотрит очень пристально, будто боясь пропустить что-то важное. Сам близко не подходит, не хочет дышать на маму спиртными парами. Стоит, притаившись в тени у подножия лестницы, вцепившись пальцами в перила и натянув нервную улыбку. Элжбет тоже улыбается, но удивленно: «Почему это вы не спите»?

Непринужденно и вальяжно помогая Элли снять пальто, Аксель, мастер маскировки, рассказывает ей, что сначала они смотрели фильм...

– «Малхолланд Драйв», – говорит. – Ну, ты сама знаешь, у него бесконечный хронометраж. Эр задремал посередине фильма, а в финале, как обычно, ничего не понял.

«Как обычно», конечно. Как же всем нравится думать, что он ни черта в этой жизни не смыслит. Аксель целует Элжбет в шею и говорит, что ближе к ночи они решили выпить чаю, да так и засиделись на кухне за разговорами. Сами не заметили, как наступило утро. Эррен кивает, хотя на него никто не смотрит. Он знает, что легенда сработала, и мама осталась довольна. Она без ума не только от самого Акселя, но и от того, как он ладит с ее детьми, даже с неуправляемым стар-

шим. Иногда Эррен думает, что Аксель заменяет им с Бетани не только отца, но и маму, вечно занятую, вечно отсутствующую. Элжбет понятия не имеет, как дела у Эррена в школе, зато Аксель в курсе всех мелочей. Остин Пирс потянул лодыжку на физкультуре, историк мистер Горовиц заглядывается на новую библиотечаршу, в тесте по геометрии будет шестьдесят четыре вопроса, Сара Эйбрамсон – анорексичка и сука, а Натали Льюин не носит белья. Аксель все выслушивает, все запоминает, но с советами не лезет, пока не попросишь. Как и подобает хорошему психологу. Как и подобает хорошему отцу.

И, разумеется, от него не ускользнуло то, как сейчас тяжело Эррену изображать спокойствие и радость. Аксель забалтывает Элжбет милой ерундой, обращая максимум ее внимания на себя. Предлагает ей вина, кофе, ужин или уже завтрак, спрашивает о сделке, рассказывает о ком-то из своих дневных пациентов, и уводит ее в кухню, подальше от бледного, взмокшего, провонявшего спиртным сына-убийцы. Эррен провожает взглядом свою мать и человека, который сотворил для него чудо. Страшное, дикое, неправильное, преступное чудо.

В своей комнате он, не раздеваясь, падает на кровать и старается отключить все мысли. Ничего не выходит, и перед глазами вновь возникает бледное, словно восковая мас-

ка, перекошенное лицо отца, вязкие кровавые разводы на полу, пенящаяся от моющего средства багровая вода в ведре, тревожное мерцание кухонного светильника, вспышки молнии. «Ничего», убаюкивает сам себя Эррен. Эта ночь вот-вот кончится, а когда в окне забрезжит свет, все не будет казаться таким уж безобразным. Если Аксель говорит, что все будет хорошо, значит, так оно и будет. Или нет.

До самого рассвета Эррен лежит, уставившись в окно, чтобы не видеть, как извиваются дымчатые тени по углам его спальни.

23/10/2016

Гостиная Ребекки Уолтер

Ребекка даже кофе нормально сварить не может, ну, ей-богу. Бурая муть, и по фарфоровой кромке чашки что-то плавает, налипает. Эррен принимает напиток из ее рук выраженным, чопорным омерзением, но вовремя, осекается, вспоминает, что виду подавать нельзя. Прежний Эррен опасен – так говорит Аксель. Прежнего Эррена надо уничтожить – так говорит Эррен.

Ребека же говорит: «У нас сантехника сломалась». Говорит:

– В подвале постоянно болото, на втором этаже протекает унитаз, а в комнате Ноа не работает смеситель.

У нее припухшие веки и склеенные тушью ресницы – не смысла макияж перед сном, а, может, и не спала вовсе. Было бы на что жаловаться, Эррен не спал ни минуты, выкурил пачку в потолок, но слезы так и не пришли. Все остались на акселевой футболке. Ребекка говорит:

– Еще кофе?

Стены кухни у них выкрашены в лиловый – отец любил лиловый. «Любил» – Эррен неловко катает это слово на языке, как присохший леденец, не решаясь открыть рта. Любил, прошедшее время. Любил лиловый, пока родной сын не разможил ему череп. Любил, и наверняка спрашивал своего нового сына: «Нравится тебе, Ноа»? И новый сын смотрел своими косыми глазами, черт его знает, куда, и отвечал: «Ага, пап».

Ага, пап, ты сегодня снова нажрался и ударил маму. Ты снова ни во что ее не ставишь. Эррен так говорил годы назад, сжимая в руке опустошенную отцом бутылку с единственным желанием, разбить ее вдребезги об его череп. Ага, пап, ага.

– Я вообще-то пришел извиниться, – произносит Эррен. – Думал, застану его. Понимаешь, вчера я вел себя чересчур импульсивно...

«Чересчур импульсивно, так ей и скажешь». Аксель расстроивал его болезненный сон где-то около семи утра. Навис над Эрреном, сохраняя достойное расстояние.

Легонько шлепнул по скуле, чтобы привести в чувства,

но не испугать. Все у него просчитано, каждый миллиметр. Родился он таким, не отнять. Говорит: «Надень чистую рубашку». Говорит: «Обними Ребекку, если что». Говорит: «Заплачь, если потребуется». Говорит: «Я с тобой».

– Чересчур импульсивно, – говорит Эррен и отхлебывает омерзительный ребеккин кофе. – Мы никогда не ладили, но это не дает мне права так себя вести.

Ранним утром, пока все спали, Аксель варил ему кофе и говорил: «Что бы ни случилось, держи лицо. Помни, ты обязан». Аксель протирал лобовое стекло его Форда и говорил: «Я с тобой».

Ребекка трясет телефон, будто он живой и способен реагировать на ее агрессию. Вообще, она довольно симпатичная, если не придирается. Родинка над губой, бирюзовые глаза и ровная челка до бровей. Красивая женщина, но маме не чета. Эррен беззастенчиво разглядывает ее грудь, но, опомнившись, опускает глаза.

Аксель заставил его надеть галстук, тот самый, бордовый с фиолетовыми полосками. Подарок отца, не распакованный до сегодняшнего утра. Аксель утверждает, что детали особенно важны, и самому Эррену необходимо постоянно концентрироваться на деталях. «Все на свете кроется в мело-

чах», говорит Аксель. Он говорит: «Я с тобой».

– Я привез пару журналов, – произносит Эррен, будто спохватившись. Ребекка понимающе кивает. Наверное, учится разделять интересы нового мужа, хотя ей совсем не близок дизайн интерьеров.

– Нашел их в кладовке, – вкрадчиво продолжает Эррен. – Там о том, как делать мебель своими руками, кое-что о фэн-шуй... Знаешь, я хреновый сын, но когда-то надо начинать быть нормальным.

«Я очень хочу стать нормальным, дави на это». Аксель поправлял ему узел галстука и смотрел в глаза технично, направленно, будто проводя условную линию между их зрачками. Стань нормальным, пожалуйста, стань.

Эррен оставляет журналы и недопитый кофе на столике, который смастерил его мертвый отец. Обнимает ненавистную отцовскую жену и просит ее позвонить, как только объявится Джошуа. Эррен собирается уходить, но тут в гостиной возникает Ноа. Нелепое, жалкое существо, с которым Эррен вынужден делить общую кровь.

Мальчишка – вылитый Джошуа Коул, только косоглазый, и Эррена снова бросает в липкий пот. Он похож на Джошуа даже больше, чем сам Эррен, с очевидным спорить беспо-

лезно. Ноа говорит:

– Эр, зачем ты опять приехал? Когда это закончится?

Эррен примерзает к полу и забывает все, чему учил его Аксель. Перед глазами снова маска из белого теста, глаза из синего пластика, волосы, запутавшиеся в кровавом киселе. Эррен хватается за ручку входной двери и, не удостоив сводного брата ответом, выходит на улицу.

23/10/2016

Коридоры школы Фэрфакс

Маленькой похмельной марионетке велели ехать на уроки.

– Быть нормальным, – говорит Аксель. – Значит, вращаться в своих привычных социальных кругах. Твоя естественная среда сама вытолкнет тебя на поверхность. Представь, что ты тонешь, и спасательный жилет тебе бросят, только если будут уверены, что ты – это ты. Едва учуют подвох, жилета как не бывало. Понял?

Эррен кивал – понял. Ни черта он опять не понял, этот Эррен, променявший остатки мозгов на белый «Баккарди».

В акселевой Тойоте «Приус» пахнет так, будто только что прошел дождь, и Эррен жметесь в кожаное сиденье, рассказывая о том, как похож Ноа Коул на их общего отца. Аксель не слушает, но вид у него озадаченный.

Говорит:

– Чем более расслабленным ты будешь, тем меньше к тебе будет претензий от внешнего мира. Ты понимаешь меня, Эр? Вижу, что понимаешь. Хороший мальчик

«Хороший мальчик» Эррен Коул шагает по школьному коридору. Звонок был пару минут назад, и коридор пуст, слышна лишь перебранка уборщицы миссис Файберс с охранником. Она говорит: «Твоя жена вчера скупилла все томаты в нашем магазине». Он отвечает: «А тебе жалко, что ли»? Уборщица роняет свою швабру, охранник протирает мониторы, Эррен входит в здание школы так тяжело и серьезно, будто за ним наблюдает все Королевство.

«Натяни улыбку», говорил Аксель. «Натяни улыбку, или натянут тебя».

Эррен радостно машет рукой, приветствуя сухонькую и костлявую мисс Файберс. Говорит: «Как ваши кошки, мизз»?

Мойра Файберс развелась с мужем лет восемь назад. На ее тощей шее бусы из пластика, а на языке порой столько нецензурщины, что даже Эррену стыдно. Он идет по школьному коридору, поправляя галстук, который ненавидит примерно так же, как отца.

– Кто убил отца Гамлета? – спрашивает учитель литературы мистер Паттерсон, заворачивая рукава клетчатой рубашки. – Как смерть родителя повлияла на больную душу героя? Если размышлять об этом с точки зрения...

Эррен проклинает Акселя за то, что тот отправил его на уроки. Что-то происходит в эрреновой пропитой голове, что-то меняется. Кто убил отца Гамлета, кто убил отца Эррен Коула?

Эррен ослабляет галстук и роняет голову на пластиковую столешницу. Со второго ряда Джулианна Андерс посылает ему воздушный поцелуй, и Эррену все равно, издевается она над ним или нет. Яйца так отяжелели, что разбираться нет сил. На большой перемене, пока одноклассники в столовой толпятся в очереди за мексиканскими буритто, Эррен остервенело трахает Джулианну в подсобке за спортивным залом. И это неправильно и грязно. Как тогда в клубе, когда он не понимал, где находится, и кто-то вел его ла-

биринтами через чилл-ауты и пип-румы. Кто-то заставлял его пройти сквозь облако сладкого каннабиноидного дыма. Кто-то касался его спины между лопаток, искал чувствительные точки. Кто-то дышал ему в рот горячим, пряным, винным. Кто-то уложил его на обитый дерматином диван и попросил не бояться. Эррену временами снится та ночь, но он не может вспомнить, кто был с ним тогда.

Столько всего он не помнит, столько событий и сцен утонули в алкоголе, оставив после себя только стыд и мерзкий осадок. Как хлопья скисшего молока в кофе.

В коридорах школы пыльно и светло, каждый луч солнца преломляется острым углом на бетонный пол, и Эррен уходит, сдержанно кивнув охраннику. Джулианна – шлюха, проторенная дорожка, и через неделю она даже не вспомнит, как подмахивала Эррену в темной камерке среди скакалок и баскетбольных мячей.

23/10/2016

Холл

Вечером заявляются полицейские. Эррен понимал, что однажды это случится, но не думал, что так скоро. Дверь открывает мама, и Эррен, выглянув из своей комнаты, на-

блюдает сверху, как она всплескивает руками и произносит: «Не может быть»!

Эррен боится шевельнуться, будто издай он хоть звук, полицейские все сразу поймут. Мама кричит: «Эр, спустись, пожалуйста, это важно»! Разумеется, это важно, и если Эррен будет медлить, то вызовет подозрения. Боже, да все на свете вызовет подозрения. Сколько бы Аксель не учил его держаться непринужденно, как бы все не растолковывал, Эррен будет продолжать чувствовать себя то наэлектризованным сгустком нервов, то нелепой кашей из низменных чувств. До акселева непроницаемого лица и природного обаяния Эррену еще очень далеко. Недостигаемо. В голове у Эррена мутно, мысли, будто клеточки, плавающие в жирном бульоне. Перед глазами назойливая рябь. Что-то не так, реальность перекосилась и вот-вот разлетится на куски.

Словно кукла на деревянных ногах, он спускается в холл, хватаясь за перила, как за спасательный круг. Отпустит, и рухнет кубарем к ногам стражей закона, прямо в цепкие руки, туда, где ему и место. Они смотрят внимательно, оба. Один постарше, худощавый, с прозрачными глазами и орлиным носом. Мерзкий тип. Второй, наверное, ровесник мамы и Акселя, крупный, с виду мрачный, но в глазах улыбка. Они говорят, что труп Джошуа Коула выловили из реки этим утром. Из реки Коул. Чертов Аксель, не смог обойтись без

иронии и сбросить тело, скажем, в Тейм-ривер. Услышь Эррен это в новостях, непременно бы усмехнулся, но здесь, перед глазами констеблей, он адски потеет и подергивается, чешет загривок и не знает, куда прятать взгляд. Мама спрашивает: «Вы уверены, что это он»? Констебль помладше говорит, что его обнаружил знакомый, некто Росс Джайлс, он то и позвонил в полицию. Тело прибило к берегу, и достать его было нетрудно. Росс Джайлз, старый отцовский приятель, скоро, должно быть, сдохнет от цирроза печени, но в хорошем зрении ему не откажешь – никогда не носил очков.

Эррен скрипит зубами: Аксель, зачем ты так, Аксель? Все слишком просто, слишком быстро, ты недостаточно все продумал. Ты только кажешься гениальным, напускаешь на себя излишнего пафоса, а на деле ты такой же, как все. Пустышка. Эррен поглядывает на полицейских исподлобья и ждет, когда они начнут задавать неудобные вопросы. А они начнут, вот сейчас...

– Господа, добрый вечер, – Аксель возникает в холле беззвучно, будто материализовался из воздуха. Идиотская привычка – подкрадываться. Эррен злится, и все у Акселя ему кажется сейчас идиотским и раздражающим. – По какому поводу визит? Надеюсь, не из-за Эррена? Он ведь ничего не натворил снова?

Аксель кладет руку ему на плечо, будто так и надо. Сказал дикую, невообразимую ересь, и улыбается. Эррен чувствует, как кровь приливает к лицу, как нещадно чешется все тело, как пот ручейками струится между лопаток. Эррен молчит, стиснув зубы, но внутри раздирается воплем: «Что ты творишь? Чего ты добиваешься»? Акселева рука на его плече весит не меньше тонны. Эррен сжимается, как перед выстрелом.

– О, нет, – отвечает констебль с орлиным носом и сдержанно улыбается. – Весь район, конечно, знает о его страсти к пьяному вождению, и он всегда на контроле, но сейчас речь не о нем.

Аксель воспринимает новость о смерти старшего Коула в точности, как подобает новому мужу вдовы погибшего: с человеческим состраданием, но без особых эмоций.

– Жаль, – говорит он, чуть наклонив голову. – Неплохой был человек. И руки золотые, какую мебель делал. А что, собственно, случилось?

Эррен смотрит на маму. Она растеряна: теребит прядь волос, озадачено кивает каждому слову полицейских, то и дело поднимает взгляд на Эррена – следит за его реакцией. Она давно не в ладах с Джошуа, но смерти ему никогда не желала.

Скорее разделяла с ним некую безразличную дипломатию. Холодно, вежливо и только по делу, как со своими клиентами. Возможно, она всплакнет на похоронах, но помогать Ребекке с поминками не станет. Элли Коул не предпримет ни одного импульсивного действия, шагу не ступит без веской причины. Она вторит Акселю: «Да, как он умер»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.